

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Тезисы

Девятая межинститутская
научная конференция

Российская диаспора в странах Востока

Отв. ред. Панарина Д.С.

2018

Институт востоковедения РАН

Содержание

Николаев В.П. Российская диаспора в странах Востока по материалам докладов на ежегодных межинститутских конференциях в Институте востоковедения РАН	2
Загородникова Т.Н. «Соотечественник». История создания одного рассказа И.А. Бунина	3
Семенченко Н.А. Российская диаспора в Израиле	4
Скоробогатых Н.С. Особенности самоорганизации российской диаспоры в Австралийском Союзе в XX – начале XXI в.	5
Скоробогатых Н.С. Россияне в общественно-политической жизни Австралийского Союза в XX в.	7
Наземцева Е.Н. Российская послереволюционная эмиграция в Китае (1920-1949 гг.): проблемы определения численности	8
Черникова Л.П. Языковой барьер в восточной эмиграции в Китае и попытки его преодоления. Адаптация россиян в иноязычной среде	9
Каневская Г.И. Литературно-исторический ежегодник «Россияне в Азии» о поэзии русской дальневосточной эмиграции	11
Массов А.Я. Архив С.Я. Парамонова (С. Лесного) в коллекции документов русской эмиграции в Национальной библиотеке Австралии	12
Антошин А.В. «Морской сборник» как источник по истории повседневности русских морских офицеров в Бизерте в начале 1920-х гг.	13
Рудникова Е.В. Русские беженцы в Новой Зеландии: Дом Нансена (1963-1984)	14
Хисамутдинов А.А. Эмигрантские впечатления о Китае	14
Об авторах	16

Российская диаспора в странах Востока по материалам докладов на ежегодных межинститутских конференциях в Институте востоковедения РАН

Николаев В.П.

Первая научная конференция по изучению российской диаспоры в странах Востока состоялась в Институте востоковедения РАН 24-25 мая 2010 г. В ней участвовал 31 ученый, в их числе были 15 сотрудников ИВ РАН. Было представлено 34 доклада. 10 октября 2010 г. ученый совет ИВ РАН утвердил создание межотдельской группы «Российская диаспора в странах Востока».

Главной задачей группы было определено изучение истории и современного положения российских диаспор на Востоке в рамках одного из главных направлений научно-исследовательской работы Института востоковедения – «Россия и Восток».

В группу вошли ученые из разных отделов и научных центров института, чьи научные интересы соответствовали тематике исследований по истории и современной действительности восточных российских диаспор. В работе группы активно участвовали В.В. Беляков (доклады по русским в Египте), Н.С. Скоробогатых (Австралия), Т.Н. Загородникова (Индия, Цейлон), А.Ш. Кадырбаев (Китай, Казахстан), Е.В. Бойкова (Монголия), А.А. Кириченко (Япония), А.Д. Васильев (Турция), А.В. Сарабьев (страны Ближнего Востока), А.А. Соколов (Вьетнам и страны Индокитая), А.С. Петриковская (Австралия), Н.А. Семенченко (Израиль и Палестина), Е.Э. Носенко-Штейн (Израиль), Л.П. Черникова (Китай), А.Н. Хохлов (Китай), Л.Б. Аристова (Китай), Л.Г. Стефанчук (Новая Зеландия) и другие.

В задачу группы так же входило привлечение ученых из институтов и университетов нашей страны и зарубежья к участию в ежегодных конференциях в ИВ РАН. Были налажены связи с Санкт-Петербургским государственным морским технологическим университетом (А.Я. Массов, доклады по Австралии), Дальневосточным федеральным университетом (Г.И. Каневская, С.А. Пруткогляд, А.А. Хисамутдинов, доклады по Австралии), Институтом истории, археологии и этнографии ДВО РАН (Е.В. Рудникова, доклады по Новой Зеландии), Уральским федеральным университетом (А.В. Антошин, С.В. Смирнов, доклады по Австралии), Барнаульским федеральным университетом (В.А. Бармин и другие сотрудники, доклады о Китае), Бурятским государственным университетом (А.В. Михалев, доклады по Монголии, П.Н. Дудин, доклады по Китаю), а так же институтами Российской академии наук и университетами Москвы: ИЭА, ИВИ, МГИМО, РГГУ, МГУ. Полезный вклад в изучение российской диаспоры в Китае внесла Е.Н. Наземцева (Научно-исследовательский институт военной истории ВАГШ ВС РФ). Также необходимо отметить доклады А.В. Докучаевой (Институт стран СНГ), чьи исследования ведутся по сложным проблемам русских в бывших советских республиках Средней Азии.

Межотдельская группа сотрудничала со специалистами из МИД РФ, из Дома «Русское зарубежье», из Фонда «Русский мир», Россотрудничества. Сотрудники этих организаций принимали участие с докладами на конференциях (П.А. Лапин, Н.В. Сухов, Н.А. Егорова, Г.Д. Толорая, М.С. Петрова и другие).

Особо нужно отметить интереснейшие доклады тех русских ученых и преподавателей, которые работают в восточных странах и могут изучать положение в российских диаспорах на месте. В японском университете Аояма Гакуин ведет научную и преподавательскую работу П.Э. Подалко, автор нескольких книг по истории россиян в Японии. В Австралийском национальном университете

работает Е.В. Говор, ее перу принадлежат весьма познавательные книги по истории российской диаспоры в Австралии. В.А. Погадаев ряд лет занимался преподаванием в университете «Малайя» в Малайзии и хорошо знает о положении с изучением русского языка в Индокитае. Изучение российской диаспоры в Новой Зеландии проводит О.Б. Опара, работающая в Оклендском техническом университете.

Всего на девяти конференциях по изучению русского зарубежья на Востоке было представлено с 2010 по 2018 гг. 212 докладов. Самое большое количество докладов посвящено русской диаспоре в Китае – 54. Российская диаспора в Австралии рассматривалась в 41 докладе. На третьем месте по количеству представленных докладов находится Израиль и Палестина – 16. Все это можно объяснить тем, что эмиграция из России и Советского Союза была направлена в эти страны и по численности превышала количество эмигрантов в другие страны Востока. Соответственно, к этим странам было привлечено повышенное внимание ученых. Новой Зеландии было посвящено 13 докладов, Японии – 12, Казахстану и Центральной Азии – 11, Египту и Индокитаю по 8 докладов, Индии, странам Магриба и Океании по 7, Турции – 6, Монголии – 5, Цейлону – 2, Ирану, Ливану и Сингапуру по 1 докладу.

Материалы конференций (тезисы и доклады участников) регулярно публикуются на сайте ИВ РАН в разделе Межотдельские группы. «Тезисы и доклады 8-ой научной межинститутской конференции «Российская диаспора в странах Востока» в виде электронной публикации сборника статей размещена на сайте ИВ РАН в разделе «Публикации. Сборники статей». Были так же выполнены два печатных издания: «Тезисы и доклады 2-ой научной межинститутской конференции «Российская диаспора в странах Востока», М., 2011 и Сборник статей «Российская диаспора в странах Востока: история и современность», Владивосток, 2013. Ныне предлагается подготовить публикацию сборника статей «Восточные ветви российской диаспоры в прошлом и настоящем» в серии работ «Труды Института востоковедения».

Большую полезную работу по организации конференций и публикации их материалов осуществляли ученые секретари межотдельской группы – в начале С.Е. Пале, а ныне Д.С. Панарина.

«Соотечественник». История создания одного рассказа И.А. Бунина

Загородникова Т.Н.

В 1911 г. И.А. Бунин посетил Цейлон. Остров произвел на него огромное впечатление, образ цветущего рая на земле надолго запомнился и отразился в его поэзии, а люди, которых он там повидал, стали персонажами его рассказов вплоть до 1944 г. В 1916 г. в сборнике «Слово» (М., 1919) был напечатан небольшой рассказ «Соотечественник». В нем Иван Алексеевич описал свою встречу с одним из русских на Цейлоне, купцом-чаеоторговцем Зотовым. Пробившись из самых низов, он начал с мальчика на побегушках у крупного купца и, постигая на практике азы коммерции, сам стал торговцем и сколотил небольшой капитал. Каким-то образом очутившись на Цейлоне, Зотов открыл здесь чаеоторговую фирму, будучи очень деловитым, общительным и активным, знал на острове всех и вся, но оставался недовольным своей судьбой. Писатель почувствовал в нем какую-то неудовлетворенность, надрыв.

Прототипом главного героя «Соотечественника» был реальный купец-чаеоторговец Трифон Кириллович Чокков, представитель Русско-Китайского банка и

агент Добровольного флота, не раз в отсутствие вице-консула управлявший российским дипломатическим представительством на Цейлоне.

Автор статьи касается также некоторых аспектов деятельности Т.К. Чокова на Цейлоне, описывает положение русской колонии на острове и его роль в жизни своих соотечественников.

Российская диаспора в Израиле

Семенченко Н.А.

В современной научной литературе существует ряд определений диаспоры. Термин «диаспора» не редко применяют ко всем национальным и религиозным группам, живущим вне своей этнической колыбели ..., сохраняя особенности своей культуры и прежде всего языка, религии, быта, образа жизни¹.

Диаспору иногда рассматривают как некий отделившийся «кусочек» «этнического материка» (нации, этнической, реже религиозной общности), сохраняющий его основные характеристики (язык, религию, бытовую и поведенческую культуру и пр.)². Диаспора может возникнуть даже при небольшом количестве иммигрантов, сопротивляющихся ассимиляции или неспособны к ней.

Российская диаспора имеет свои особенности. Она состоит из всех подданных России – СССР – РФ, которые эмигрировали (вне зависимости от национальности, вероисповедания и причин, побудивших к отъезду) в зарубежные страны. Эмигранты направлялись и в Израиль.

В настоящее время в Израиле проживает немало наших соотечественников, которые эмигрировали из СССР и стран СНГ в последние десятилетия. Их можно разделить на две группы: евреи и не евреи.

Среди соотечественников-евреев большинство составляют евреи ашкензы, уехавшие из Российской Федерации и других европейских республик СССР. Они сохраняют (по крайней мере в первом и втором поколении) русский язык и русскую культуру. Наряду с ними, в Израиле проживают и бывшие наши соотечественники – евреи из бывших советских республик Кавказа и Средней Азии. Они объединены в отдельные общины как, например, грузинская, бухарская, азербайджанская. Эти общины сохраняют свой традиционный образ жизни, селятся компактно и в определённой степени, живут обособлено. Из них Бухарская община более ранняя, её пополнили в 90-х годах бывшие наши соотечественники из Бухары и её окрестностей.

Представители этих общин в разной степени связаны с русским языком и русской культурой. Они по-разному сохраняют связь со страной своего исхода.

Наши соотечественники в Израиле, которые не являются евреями, сталкиваются с целым рядом трудностей помимо тех, которые связаны с обычным миграционным процессом. По объективным и субъективным причинам, эта диаспора не формируется в организованную общину. Объединяющими центрами для верующих среди этих соотечественников являются русские православные храмы в Иерусалиме и Тель-Авиве, где они собираются по воскресеньям и праздникам.

¹ Фрейкман-Хрусталева Н.С., Новиков А.И. Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб., 1995. С. 16.

² Носенко-Штейн Е.Э. Евреи в современном мире: диаспора, конфессиональное меньшинство, этническая группа? // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 3: Культура и политика: проблемы взаимосвязи / отв. Ред. Ю.В. Любимов; составитель С.В. Прожогина. М.: ИВ РАН, 2017.

Вместе с тем, в Израиле проживают и представители ряда народов Российской Федерации, которых можно отнести к нашим соотечественникам. Это татары, чеченцы и черкесы (адыги). Последние попали в Палестину после Кавказской войны XIX века. Долгие годы они не имели никаких связей со своими народами. Однако, после распада СССР, связь между ними начала восстанавливаться, более того, некоторые семьи адыгов даже воссоединились, переехав в Адыгею. Другие стали выдавать своих дочерей за молодых израильских черкесов. Черкесы в Израиле проживают в двух селениях на севере страны. Кабардино-Балкария развивает с ними тесные, дружеские отношения.

С чеченцами Израиля в последние годы стала развиваться отношения Чеченская республика. Так, например, в селение Абу-Гош (по дороге из Тель-Авива в Иерусалим), население которого составляют в основном чеченцы, при содействии Чеченской республики построена самая большая мечеть на территории Израиля.

В Израиле, наши современные и бывшие соотечественники составляют часть пёстрой мозаики израильского общества, однако их история, судьба и жизнь мало ещё освещены в отечественной научной литературе.

Особенности самоорганизации российской диаспоры в Австралийском Союзе в XX – начале XXI в.

Скоробогатых Н.С.

Начало самоорганизации диаспоры русских иммигрантов в Австралии можно отнести к 1920-м гг., – времени прибытия в страну первой массовой волны беженцев от Октябрьской революции (так называемых «белых русских»). Ностальгия и потребность во взаимопомощи в инокультурном окружении подтолкнули их к созданию первых объединений и церковноприходских, и чисто светских. Они возникали как инициатива изнутри и снизу – добровольные сообщества, возглавляемые наиболее инициативными членами самой диаспоры для сохранения русской культуры. Политические взгляды большинства их участников отличала, естественно, антисоветская направленность. Финансирование их деятельности осуществлялось исключительно силами членов этих объединений.

В противовес им в 1930-е гг. по инициативе извне и сверху – из Москвы, стали появляться организации иного порядка: Друзья Советского Союза и другие. Их активистами были члены созданной в 1920 г. при поддержке все той же Москвы КПА, а также представители местной прогрессивной общественности (Дж. Стрит, К.С. Причард). Целью этих организаций была пропаганда советского строя. Отсюда вытекали и организованные почти на государственном уровне поездки их членов в СССР, и щедрая помощь финансами и пропагандистскими материалами. Многими далекими от политики австралийцами они воспринимались как проводники просоветской линии во внутренней и внешней политике их страны. Особо активизировалась деятельность этих обществ в период II мировой войны, и они сполна оплатили за все издержки на их содержание, став организаторами широких и действенных кампаний помощи СССР. Подобная ситуация продолжалась до распада СССР, когда в 1990-е гг. на время иссяк поток денег из российской государственной казны.

Перестройка и появление РФ сказались на настроениях российской диаспоры: ушли в прошлое былые обиды, притупилась боль за потерянную родину, наконец, простое человеческое сострадание толкнули многих австралийских

русских на помощь бывшим соотечественникам. Формально исчезли и идеологические стереотипы: в России стали строить капитализм. А еще отсюда в Австралийский Союз (АС), благодаря демократизации, хлынул поток новых иммигрантов, уже не политически, а сугубо экономически мотивированных. Мультикультурализм стал благодатной почвой их деятельности. Обустроившись на новом месте, многие из них нашли применение своим навыкам в оргработе непосредственно в диаспоре, привнеся в ее жизнь новые, неведомые ранее черты.

«Новейшие русские» частично попытались войти в руководство старых диаспоральных организаций, но основной акцент был сделан на создание новых объединений выходцев из СССР/Российской Федерации. Характерный пример такой деятельности – Совет российских соотечественников в Австралии (СРСА), созданный в 2006-2007 гг. представителями россиян из всех штатов и территорий, работающих в координации с посольством РФ. Исходя из официального сайта СРСА, основная его цель – «дружная и успешная община, поддерживающая теплые и партнерские отношения с Россией, которая проживает в мире и гармонии с окружающим ее австралийским миром. Совет соотечественников работает на сохранение нашего богатого культурного и исторического наследия, обычаев и традиций, русского языка».

В контексте доминирующей в АС мультикультурной парадигмы тамошние власти финансируют деятельность СРСА. Но этого, как явствует из заявлений его руководства, недостаточно для «бескорыстной работы по упрочению российской общины, защите русского языка, сохранению богатого культурного и исторического наследия, обычаев и традиций». Немалых денег стоит проведение ежегодных фестивалей с приглашением звезд российской эстрады, поездки активистов СРСА в Москву или празднование в Австралии с помпой и размахом государственных праздников России. Данный недостаток средств компенсируется или непосредственно из бюджета нашей страны в рамках Закона о соотечественниках 1999 г., или опосредованно – через публично-правовые учреждения типа Всемирного координационного совета российских соотечественников, Фонда «Русский Мир», Центра Русского зарубежья в Москве и др.

В демократическом обществе никто не вправе препятствовать поддержке, в том числе финансовой, деятельности объединений бывших соотечественников. Особенно, если расчет строится на том, что они будут способствовать формированию в Австралии позитивного образа нашей страны. Но эффективность такого рода проекта вызывает большие сомнения. Эмигранты из России в XXI в. – люди с избыточно прагматической ментальностью. Они вряд ли будут бескорыстно радеть за бывшую родину, как это делали члены идеологизированных прокоминтерновских организаций 1930-х гг., худо-бедно исполнивших функцию пятой колонны СССР.

Тип социального поведения эмигрантов последних волн разительно отличается от норм представителей первых волн русской эмиграции, хорошо помнивших трагические события нашей истории, или поколений их детей, родившихся в АС и ощущающих себя по преимуществу австралийцами (хотя и сохраняющими культурную и конфессиональную специфику). Отсюда проистекают старательно оберегаемые от посторонних разногласия вновь прибывших со старшими по возрасту членами диаспоральных объединений. Но «старожилы» с их подлинной тягой к русской культуре и попытками ее сохранения в иноэтническом окружении уходят: умирают, ассимилируются. И на первый план все чаще выступают маскируемые современными российскими идеологами этнокультурные «бизнес-проекты», выгодные исключительно для их авторов и непосредственных исполнителей.

Россияне в общественно-политической жизни Австралийского Союза в XX в.

Скоробогатых Н.С.

В XX в., когда миграции выходцев из России в Австралию приобрели достаточно массовый характер, их присутствие в социокультурном пространстве этой страны стало более ощутимым. Представители народов Российской империи, попавшие на далекий континент в предыдущем столетии, как правило, старались вписаться в доминирующее общество и не подчеркивать свою этничность. И этот путь был основным способом интеграции в условиях доминирующей политики «белой Австралии», нацеленной на ассимиляцию всех новоприбывших.

Говорить о русской диаспоре как о структурированной группе, которая могла участвовать в политической жизни Австралийского Союза (АС), применительно к началу прошлого века достаточно сложно. Хотя миграции из России и были политически окрашены, этот фактор как раз и затруднил вхождение ее представителей в политику. Так, попытки русских революционеров (Федора Сергеева, Петра Симонова и других) поднять австралийских рабочих на борьбу с их собственными правительствами, их самое активное участие в создании КПА и ставшие печально знаменитыми «бунты красного флага» в 1918 г. создали им, а заодно и многим русским печальную репутацию опасных смутьянов. Их отъезд из АС всячески поощрялся, а зачастую власти страны прибегали и к депортации.

Для беженцев из Советской России – белоэмигрантов – основной задачей было выживание в новом этнокультурном окружении. Главным общественным институтом, помогавшим им в этом, стали русские общины. Но попыток участвовать в большой политике АС они не предпринимали, ограничиваясь активностью в рамках диаспоры. Это было, во-первых, связано с объективными трудностями эмиграции (незнание английского языка, поиск работы, обустройство на новом месте и т.п.). Во-вторых, на жизненную стратегию иммигрантов воздействовала ассимиляционная политика «белой Австралии», нацеленная на нивелирование этнических корней.

После II мировой войны в жизни АС многое меняется. Новые союзники на международной арене, новые волны миграции, новые внутривнутриполитические веяния постепенно превращают прежнее достаточно закрытое, гомогенное политическое пространство страны в многонациональное плюралистическое демократическое государство. В прошлое уходила атмосфера ксенофобии и парадигма монокультурности. В 1970-х гг. в стране утвердилась политика мультикультурализма, способствовавшего поощрению этнического разнообразия и более толерантному отношению к не британцам в целом. Это отражалось и на русской диаспоре: ее состав резко вырос за счет ДР и «китайских русских», а в период перестройки в СССР и новых приезжих из разваливавшегося социалистического государства. К концу XX в. выросли целые поколения потомков русских иммигрантов, получивших там образование и работу и вполне обоснованно считавших себя австралийцами русского происхождения. Некоторые из них сохранили православную религию, предпочитая держаться своих общин; другие вступали в брак с представителями других этнических групп, полностью или частично порывая с диаспорой. Но все они были полноправными гражданами АС, по праву рождения обладавшими самыми широкими возможностями реализации своих способностей в любой сфере, включая политическую.

В системе управления выходцы из диаспоры встречаются все чаще. В одном из районов Мельбурна – Футскрей – мэром была наша соотечественница, Зика

Керри (Зинаида Кирейчук). Успешной была и политическая карьера Тани Михайлюк – выпускницы университета Маккуори. Поработав в области маркетинга, общественной политики, прав человека, производственных отношений, строительства и инфраструктуры она в 2006 г. стала мэром Бэнкстауна. На этом посту хорошо ознакомилась со всеми особенностями и нуждами своего округа, способствовала развитию учреждений культуры для молодежи и аборигенов, живущих здесь. В 2009 г. за свою общественную работу Михайлюк получила специальную правительственную награду, а в 2011 г. была выбрана в парламент штата от округа Бэнкстаун, став его первой за 80 лет женщиной-представительницей.

Самого высокого поста в общественно-политической иерархии АС достиг Алексей Чернов, занимавший пост представителя королевы в одном из ведущих штатов АС – Виктории. Его биография – одно из наиболее полных воплощений «австралийской мечты». Переехав вместе с семьей в страну после II мировой войны, он окончил юридический факультет Мельбурнского университета и сделал далее головокружительную карьеру. В 2007 г. получил титул кавалера Ордена Австралии, а в 2009 г. стал ректором своей alma mater. В феврале 2011 г. 72-летний А. Чернов был назначен на должность губернатора Виктории, первым из русских австралийцев заняв столь высокий пост. Назначение его губернатором было очень тепло встречено представителями диаспоры: несмотря на большую ее численность – порядка 200 тыс. чел. – это был первый раз, когда человек с русскими корнями получил такую политически значимую должность и достойно исполнял ее в течение всего срока своих полномочий.

Таким образом, в современной Австралии политическая карьера мало зависит от этнического происхождения. Но чтобы достичь высоких ступеней в общественно-политической структуре страны, необходимо в чем-то оторваться от своей диаспоры. Большая политика подразумевает представительство интересов всех граждан, а не только своей этнической группы. Обязанности губернатора определяются федеральной и штатной конституциями, а члена парламента – соответствующими регламентами и программой партии, к которой он принадлежит. И это единственно возможный путь для решивших стать австралийскими политиками выходцев из российской диаспоры.

Российская послереволюционная эмиграция в Китае (1920-1949 гг.): проблемы определения численности

Наземцева Е.Н.

В докладе анализируется одна из самых сложных проблем в современной российской историографии Русского Зарубежья. Дискуссии на страницах научных исследований ведутся на протяжении нескольких десятилетий. Вместе с тем численность российской эмиграции в Китае до сих пор остается неопределенной. Выдвигаются разные версии и цифры: от 200 тысяч до 2 млн. человек. Противоречивыми остаются и данные российских архивов, в том числе, данные самих эмигрантов и различных международных организаций. Китайские же архивы остаются малодоступными для многих исследователей.

Одна из главных проблем в определении численности русских послереволюционных эмигрантов связана с отсутствием четких данных по количеству перешедших российско-китайскую границу. Кроме того, русские продолжали уходить в Китай и после окончания Гражданской войны в России. Возникали новые миграционные волны.

Важным является и обратный процесс – реэмиграция русских из Китая в первой половине 1920-х гг., в 1930-е гг., 1940-е гг. Данные о численности вернувшихся также противоречивы и фрагментарны.

Открытым остается и вопрос о численности национальных диаспор – бывших граждан Российской империи, оказавшихся в Китае, а также тех, кто проживал там до революции в России и стал эмигрантом не столько из-за политических убеждений, сколько в силу объективных обстоятельств.

Таким образом, вопрос о численности российской послереволюционной эмиграции в Китае требует отдельного глубокого исследования и обсуждения.

Языковой барьер в восточной эмиграции в Китае и попытки его преодоления. Адаптация россиян в иноязычной среде

Черникова Л.П.

Доклад посвящен проблеме языкового барьера, который, разумеется, затруднял общение между двумя народами. Однако, на наш взгляд, языковой барьер, затормозив понимание двух культур, стали именно тем фактором, который помог "притиранию" двух народов в отличие от ситуации в Европе и адаптации эмигрантов в ней. Адаптация русских эмигрантов в этом смысле шла и труднее, и более успешней.

Так, современные реалии развития туристического бизнеса в курортных городах заставляют ресторанный и торговый бизнес приспосабливаться к иноязычным туристам: этому способствуют вывески на магазинах, меню в ресторанах, нередко сами продавцы готовы обменяться парой фраз на русском или английском языке. Не знающие местных восточных языков туристы с благодарностью принимают эти знаки гостеприимства, облегчающие путешествие в условиях языкового барьера. Некоторые впечатленные востоком и его природой, экзотикой, людьми и сервисом туристы решаются на смелые шаги (чаще всего 35-летние и старше) и даже переезжают в Китай, Индонезию, Таиланд и т.д. В новой стране они получают равномерность и спокойствие в жизни, улыбчивых соседей и прохожих, тепло и дешевое питание. Нередко эмигранты включаются в туристический бизнес, работают гидами, имеют совместное дело в местных кафе, ресторанах, гостиницах³. Также в свое время происходило и в 1920-1930-е гг. в Китае с русскими эмигрантами: они включались в бизнес, открывая свои рестораны, кафе, кондитерские, содержали т.н. бординг-хаусы (становились домовладельцами, сдавая квартиры с пансионом), издавали газеты на русском языке, справочники и периодические издания для русского и иностранного населения Китая. В свою очередь, китайское население стремилось владеть несколькими фразами на английском или русском языках с целью включиться в торговлю на улицах или предлагая себя в качестве "боев"-официантов со знанием иностранных языков.

Прожив в Китае некоторое время, перед глазами приезжих эмигрантов "...предстает картина достаточно разнообразной и богатой культуры, и в последнее время – туристов. Восток становится излюбленным местом отдыхающих, которых тянет туда не только доступность отдыха, но и богатая, насыщенная и экзотическая культура, а также природа. Китайские города Бэйдайхэ и Далянь, тайскую Паттайю отдыхающие из России давно уже называют «русскими городами» [из-за обилия русских туристов и русской речи]. Конечно же, в первую очередь это историческое

³ *Борисенко О.А.* Восточный акцент в диалоге культур // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы V Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 15-19.

наследие. Так, во всемирной истории Далянь известен как русский город Дальний. Во второй половине XIX в. китайцы построили на косе полуострова морскую базу (Порт-Артур). Порт был оборудован для стоянки военных кораблей, а также напрямую соединен с Россией железной дорогой (Дальний-Иркутск)»⁴. Именно эти города стали теми населенными пунктами, где селились русские, втягивающиеся в местный быт, местную индустрию железной дороги, ресторанный бизнес, который в основном обслуживал небольшую русскую колонию. И в условиях языкового барьера им приходилось худо-бедно приспосабливаться к новым условиям жизни: русским – учить китайский язык; китайцам – учиться владеть десятком наиболее необходимых фраз для общения.

Как пишет современная писательница, размышляя о проблеме сохранения языковой чистоты в эмиграции, «даже православная послереволюционная эмиграция, которая надеялась, что большевизм падет и они вернуться в Россию, свято хранившая русский язык с воскресными школами при церквях, продержала знание языка только в одном поколении. Дети еще знали язык, внуки уже нет. Более того, именно дети становятся катализаторами полной американизации родителей-иммигрантов. Они тыкают их в американские книги и фильмы, знакомят с американскими друзьями, приносят домой и учат пользоваться новыми гаджетами, тащат на американские праздники и салюты»⁵ Это замечание совершенно правдиво, и даже тем более верно, для потомков из немногих смешанных русско-китайских семей, где внуки уже настолько не понимают бабушек-полукровок, как будто живут не в одной семье, а на разных материках.

«В иноязычной среде других стран, куда уехала часть «русских китайцев», естественно забывался родной русский язык, и через 10-20 лет общение на нем было уже затруднительно. Знание русского языка сохранялось в основном у тех, кто был с ним связан профессионально (переводчики, преподаватели), у большинства сохранялся небольшой разговорный запас, если люди посещали русские церкви как центр притяжения земляков. Дети и тем более внуки, как правило, уже не говорят на русском языке, если не учатся в русских школах (таких мало)»⁶. То есть, языковой барьер для первопоселенцев становится преодолимым на протяжении нескольких лет (внешнее общение с окружающим миром), а затем "поселяется" в семьях и становится проблемой между разными поколениями родственников, ибо дети и внуки быстрее интегрируются в чужую языковую среду, меньше помнят и знают ценности собственной культуры.

Для преодоления языкового барьера на первом этапе россияне обращались к помощи языков-посредников (европейским языкам или эсперанто), а если таковых не было – даже просто к языку жестов (как показывает опыт, язык глухонемых показывает, что для понимания можно даже не издавать звуки). Однако со временем, когда стало понятно, что быстро вернуться на родину не удастся, – россияне постепенно переходили на языковой "микс", который правильней называть (по аналогии с английским) китайским пиджином. Наиболее способные россияне начинали изучать язык, хотя в данном случае мы обращаемся к опыту не профессионально овладевших китайским языком, а к опыту тех, кто вынужден был общаться с местным населением, чтобы выжить.

⁴ *Борисенко О.А.* Восточный акцент в диалоге культур // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы V Международной научно-практической конференции. Чита: ЗабГУ, 2013. С. 15-19.

⁵ *Менакер Т.* Грех разведчика – Дмитрий Быков о русской эмиграции. URL: <http://kstati.net/greh-razvedchika-dmitrij-bykov-o-russkoj-emigratsii/>

⁶ *Сёмочкина Е.И.* Альманах «Русская Атлантида» как реализация культурно-исторического опыта русских уроженцев Китая (к 15-летию издания) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки» Т. 14, № 1. Челябинск, ЮУрГУ, 2014. С. 65-70.

К настоящему времени в немногих публикациях китайских исследователей содержится прямой или косвенный намек на то, что русская эмиграция вела себя по отношению к китайскому населению с презрением, использовала его подневольное полуколониционное положение, упрекают в немногочисленности смешанных браков, в невнимании к освободительному движению китайцев против японской колонизации и захвату территории. Русская эмиграция, по словам этим историков, вела себя как вероломный гость: слабая в момент окончания гражданской войны в России, просящая помощи у китайского правительства и китайского народа, – она стала на позиции пособничества японцам и культурного неприятия китайцев. Во-первых, в условиях непримиримости к советской власти в СССР, японская власть для эмигрантов тоже не стала залогом стабильности, но она была более твердой, чем многочисленные местные китайские власти во время китайской гражданской войны. Во-вторых, забывается проблема языкового и культурного барьера, отсутствие информации по истории и культуре двух социумов, разные уровни социально-экономического развития государств. На этом фоне нужно признать, что россияне хуже знали китайский язык и особенности общения, чем китайские помощники, торговцы, обсуживающий персонал, которые могли объясниться. Да, проблемы межкультурных отношений были большими, и они особенно вредили отношениям и взаимопониманию в период совместной эксплуатации огромного технологического объекта – Китайско-восточной железной дороги.

Литературно-исторический ежегодник «Россияне в Азии» о поэзии русской дальневосточной эмиграции

Каневская Г.И.

Творчество поэтов дальневосточной ветви русской эмиграции до недавних пор оставалось почти неизвестным для любителей поэзии и малоизученной проблемой отечественного эмигрантоведения. Одним из первых познакомил с поэзией русского дальневосточного зарубежья ежегодник «Россияне в Азии», собравший на своих страницах не только произведения русских поэтов, но и исследования о их жизни и творчестве. Выходил ежегодник в 1994-2000 гг. при Центре по изучению России и Восточной Европы в Торонтском университете. Инициатор его издания и редактор – профессор университета О.М. Бакич. Цель издания – «публикация материалов по истории выходцев из России ... в разных странах Азии – главным образом в Китае, Японии, Корее и Монголии – в конце 19-го и первой половине 20-го века»⁷. Всего вышло семь выпусков ежегодника общим объемом 2160 стр.

Каждый выпуск открывался стихами поэтов русского дальневосточного зарубежья, как уже известных (Арсений Несмелов, Валерий Перелешин и др.), так и малознакомых (Леонид Ещин, Николай Шиллов, Евгений Яшнов и др.). В общей сложности опубликованы стихотворения (некоторые впервые) 22 авторов и даны их библиографические сведения. Неизвестные подробности о жизни одного из лучших дальневосточных поэтов Арсения Несмелове представлены в его переписке (1936-1937) с прозаиком, историком и журналистом Петром Балакшиным⁸.

Помещены в ежегоднике и прозаические произведения русских эмигрантов (Татьяны Золотаревой, Якова Ловича, Георгия Гранина), а также научные статьи о

⁷ Россияне в Азии. 1994. № 1. С. 1

⁸ Россияне в Азии. 1995. № 2. С. 65-84.

литературе отечественных и зарубежных авторов, наиболее информативной из которых является статья китайского профессора-слависта Дяо Шаохуа «Художественная литература русского зарубежья в городе Харбине за первые 20 лет (1905-1925 гг.). По найденным материалам»⁹. Кроме того, ежегодник содержит библиографические обзоры, рецензии и сообщения по тематике русского литературного зарубежья.

Архив С.Я. Парамонова (С. Лесного) в коллекции документов русской эмиграции в Национальной библиотеке Австралии

Массов А.Я.

В 2015 г. во время совместной с Г.И. Каневской научной командировки в Австралию нам удалось поработать с коллекцией документов русской эмиграции, хранящейся ныне в Национальной библиотеке Австралии в столице страны Канберре¹⁰. Среди этих документов обращает на себя внимание часть личного архива крупного ученого, энтомолога С.Я. Парамонова. К началу Великой отечественной войны он был научным сотрудником Зоологического музея Украины. Оставшись в годы оккупации в Киеве и оказавшись к концу войны в Германии, С.Я. Парамонов в 1947 г. переехал в Австралию, где работал сначала в Сиднее и затем в Канберре в Австралийском национальном университете¹¹. Этот выдающийся ученый с мировым именем и безукоризненной репутацией в биологической науке известен также как оригинальный мыслитель и автор ряда работ по истории и литературе Древней Руси. Свои труды по истории и литературе С.Я. Парамонов подписывал псевдонимом С. Лесной. Именно он явился одним из первых публикаторов и горячим поклонником Велесовой (Влесовой) книги, которую большинство серьезных исследователей считает поздней подделкой. Работы С.Я. Парамонова в области гуманитарных наук вызывают серьезную и в значительной степени обоснованную критику историков-профессионалов и специалистов по древнерусскому языку. Вместе с тем в нашей стране немало поклонников его трудов и взглядов, книги С. Лесного постоянно издаются и переиздаются в современной России.

Думается, что в условиях растущего, временами даже болезненного интереса к дохристианскому прошлому России, а также активизации споров относительно подлинности Велесовой книги целесообразно предоставить информацию и привлечь внимание к архиву С. Лесного, который хранится в Австралийской Национальной библиотеке.

В библиотечной коллекции нет материалов, касающихся научной деятельности С.Я. Парамонова как энтомолога, видимо, они хранятся в архиве Австралийского национального университета. В Национальной библиотеке Австралии представлена лишь та часть домашнего архива С.Я. Парамонова, которая отражает его деятельность в качестве историка, литературоведа,

⁹ Россияне в Азии. 1996. № 3. С. 57-110.

¹⁰ Подробнее о содержании этой коллекции см. *Каневская Г.И., Массов А.Я.* Материалы по истории русской диаспоры в Австралии XIX-XX вв. в архивах и библиотеках пятого континента (по итогам поездки в Австралию в 2015 году) // Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2016. Т. 16, № 1. С. 196-208.

¹¹ Подробнее о жизни и деятельности С.Я. Парамонова см. *Шергалин Е.Э.* Сергей Яковлевич Парамонов (1894-1967) – орнитолог, энтомолог, историк (к 120-летию со дня рождения) // Русский орнитологический журнал. 2014. Т.23, экспресс-выпуск 1035. С. 2491-2499; *Кравцов А.* Русский ученый С.Я. Парамонов (Лесной): к 120-летию со дня рождения // Единение. 10.02.2014 URL: <http://www.unification.com.au/articles/read/2118/> (дата обращения 21.04.2018).

публициста и философа. Материалы эти сосредоточены в двух ящиках – № 8а и 8б. Причем в ящике 8а имеется опись, частично отражающая содержание архива С. Лесного. В этом ящике представлены переписка С.Я. Парамонова, в частности, с первым публикатором Велесовой книги Ю.П. Миролюбовым, письма последнего к русскому религиозному деятелю в эмиграции, историку и писателю протоиерею Стефану Ляшевскому. Здесь же тексты историко-публицистического характера на русском и украинском языках, а также рукописи сочинений С. Лесного по истории Древней Руси. Все они отличаются характерным для взглядов С.Я. Парамонова яростным антинорманизмом и бесконечными инвективами не только в адрес советского режима, но, главным образом, в адрес советской исторической науки. Отчетливо заметно также ярко выраженное украинофильство С. Лесного.

В ящике 8б сложены подготовительные материалы к одной из главных работ С. Лесного «Велесовой книги», копии дощечек с ее текстами и пояснениями к ним С.Я. Парамонова. Здесь же рукопись еще одного из наиболее известных трудов С. Лесного – книги о «Слове о полку Игореве», и ряд других рукописей с текстами по древнерусской тематике. А также, судя по всему, принадлежащие перу С. Лесного художественные произведения, стихотворения, философские эссе и литературоведческий текст о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Работа с коллекцией документов русских эмигрантов в Национальной библиотеке Австралии и, в частности, с архивом С. Лесного, затруднялась тем, что ее документы еще не разобраны и не описаны сотрудниками библиотеки. Кроме того, сказывался недостаток времени для работы, которое было в распоряжении автора данного сообщения. Очевидно, что для более точной и определенной атрибуции бумаг из личного архива С.Я. Парамонова требуются дальнейшие исследования. Архив С. Лесного из Национальной библиотеки Австралии должен быть введен в научный оборот для более объективной и полной оценки творческого наследия этого противоречивого, но, несомненно, яркого представителя интеллектуальной элиты русского Зарубежья.

«Морской сборник» как источник по истории повседневности русских морских офицеров в Бизерте в начале 1920-х гг.

Антошин А.В.

Практически никто из специалистов по истории русской эмиграции в Тунисе не игнорирует такой ценный источник, как «Морской сборник», издававшийся Н.А. Монастыревым в 1921-1923 гг. Однако, в основном его используют те, кто занимается военной историей Русского зарубежья. Значительно реже к нему обращаются специалисты по политической и интеллектуальной истории. Между тем, это – очень ценный источник, позволяющий охарактеризовать эволюцию морально-психологической атмосферы на кораблях Русской эскадры и в лагерях беженцев.

В докладе показано, что психологические установки основной массы офицеров прошли в Бизерте три основных этапа. На первом этапе (примерно до осени 1921 г.) доминировала уверенность в том, что Бизерта – лишь временная стоянка русского флота, и военный потенциал эскадры вскоре будет востребован для продолжения борьбы с большевиками. Именно для укрепления боевого духа офицеров, их морально-психологической подготовки и был задуман «Морской сборник».

Однако приказ французского Морского министерства от 7 ноября 1921 г. показал, что Франция более не рассчитывает на Русскую эскадру как на военную

силу. Большинство офицеров и матросов были списаны на берег и превратились в беженцев. Началось формирование русской диаспоры в Тунисе. Именно этим процессам было посвящено основное содержание номеров «Морского сборника» в конце 1921 г.

Однако, в 1922 г. начался третий этап в истории Русской эскадры и «Морского сборника». Большинство русских стали разъезжаться из Туниса. Журнал постепенно приобрел военно-исторический характер, типичный для многих подобных изданий Русского зарубежья.

Русские беженцы в Новой Зеландии: Дом Нансена (1963-1984)

Рудникова Е.В.

Темой доклада является история приема специфических русских беженцев Новой Зеландией в период 1963-1975 гг. На основе разнообразных источников, преимущественно зарубежного происхождения, восстанавливается малоизвестная страница в истории русской диаспоры в этой стране и в истории Восточной ветви Русского зарубежья. Основным источником является текст отчета по работе с этими беженцами, подготовленного новозеландским священником Яном Фрэзером в 1985 г. Именно он был инициатором создания Дома престарелых для возрастных иностранных беженцев, а потом – вплоть до перепрофилирования этого учреждения – и его бессменным руководителем. Приют для беженцев сразу был назван Домом Нансена – в честь знаменитого норвежского полярного исследователя и первого Верховного комиссара по делам беженцев при ООН. Помещение для приюта было найдено в г. Ловер-Хатте, городе-спутнике новозеландской столицы г. Веллингтона. Обстоятельства сложились таким образом, что основными жителями Дома Нансена стали именно беженцы российского происхождения и в большинстве своем – этнические русские. Большинство из них покинули Россию после Октябрьской революции 1917 г. В Новую Зеландию они попали с помощью активистов Всемирного Совета церквей. Основными странами выезда были Китай и Филиппины. Дом Нансена просуществовал до смерти своего последнего обитателя в 1984 г. За все время в нем проживали 35 человек. Несмотря на общие для всех них причины исхода из России, это были совершенно разные по социальному происхождению и уровню образования люди. В докладе характеризуются численность и социально-профессиональный состав этой категории российских беженцев и анализируются особенности их культурно-языковой адаптации в новой стране. Используются сюжеты из личных биографий беженцев, записанных Я.Фрэзером. Привлекаются другие опубликованные и архивные источники. Например, по беженцам, прибывшим из китайского Харбина, используются архивные материалы БРЭМа, хранящиеся в г. Хабаровске. Описываются взаимоотношения обитателей Дома Нансена и уже существовавшего к тому времени русского сообщества в новозеландской столице. На основе новозеландских архивных материалов и СМИ, воспоминаний некоторых членов русской диаспоры, записанных автором, прослеживаются дальнейшие истории жизней некоторых беженцев.

Эмигрантские впечатления о Китае

Хисамутдинов А.А.

Китай один из ближайших соседей России. На эту тему напечатано немало исследований и воспоминаний. Особняком стоят воспоминания русских

эмигрантов, которые оказались в Китае после окончания Гражданской войны в 1922 г. Если раньше автор сочинений о Китае возвращался в свою страну, то в этом случае он был вынужден не только постоянно жить в Китае, но и здесь публиковать свои сочинения.

В данной статье хотелось отметить людей, которые внесли свой вклад в изучение Китая. Несмотря на все тяготы пребывания в незнакомой стране, – многие эмигранты не знали китайского языка, – они опубликовали на эту тему немало работ.

Настоящую работу открывает обзор книги дипломата Иван Яковлевич Коростовец (1862 – 1933, Париж), который навсегда остался в эмиграции. Свои первые сочинения он опубликовал еще до революции (Китайцы и их цивилизация, 1896). Будучи беженцем, он издал еще две работы «Россия на Дальнем Востоке» и «Страница из истории Русской дипломатии» (Пекин, 1922). Страница из истории Русской дипломатии: Рус.-яп. переговоры в Портсмуте в 1905 г. (1923).

Задолго до эмиграции в Китае оказались еще два автора: Павел Васильевич Шкуркин (1868 – 1943, Сиэтл) и Николай Аполлонович Байков (1872 – 1956, Брисбен, Австралия), которые также являются авторами множества работ о Китае. Первый напечатал книги «Хунхузы» (1924) и «Картины из древней истории Китая» (1927). Второй многочисленные литературные произведения о природе Маньчжурии.

Одним из самых крупных мемуаристов был Иван Иннокентьевич Серебренников (1882 – 1953, Тяньцзинь, Китай), автор книги «Мои воспоминания» (В 2 т. 1940) и сборника «К истории Азии» (1941).

Бойкое перо имел шанхайский журналист Лев Викторович Арнольдов (1894 – после 1946, Бразилия), оставивший ценные заметки о Китае – «Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы» (1933) и «Из страны белого солнца: Этюды о Китае» (1941).

Его коллега Ананий Александрович Горбунов (1883 - ?) также поделился с читателями воспоминаниями о нелегком занятии журналистикой - От брокера до... репортера: (Воспоминания тяньцзинца) (1941).

Еще один журналист Всеволод Никанорович Иванов (1888 – 1971, Хабаровск) напечатал интересный очерк о русской молодежи в Шанхае (1942).

Борис Иванович Морозов (1902 – 1960, Лейквуд, США) совершил путешествие по Монголии и опубликовал об этом небольшую книжку «Монголия: Из зап. книжки путешественника» (1935).

Легендарной личностью являлся охотник Юрий Михайлович Янковский (1870 – 1956, Тайшет, СССР), который в своей работе раскрыл многие секреты охоты на севере Китая и Кореи «Полвека охоты на тигров» (1944).

Посетив несколько городов Китая, где жили русские эмигранты, Петр Петрович Лапикен (1907 – 1983, Сан-Франциско) опубликовал свои путевые впечатления «Четыре города» (1935).

Не чужды литературному труду были и православные деятели. Например, хорошим слогом обладала игуменья Ариадна (в миру Августа Александровна Мичурина, 1900 – 1996, Сан-Франциско) – «Отрада и утешение» (1941), «Царский Путь Царской Игуменьи: Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины» (1948) и «Светочъ Любви» (1941, 1960).

Эту публикацию завершает обзор сочинения Владимира Даниловича Жиганова (1896 – 1978, Австралия), который известен своим монументальным энциклопедическим трудом «Русские в Шанхае» (1936).

Об авторах

1. **Антошин А.В.**, д.и.н, доцент, профессор, директор Центра исследования миграционных процессов УрФУ.
2. **Загородникова Т.Н.**, к.и.н., в.н.с. Центра индийских исследований ИВ РАН.
3. **Каневская Г.И.**, д.и.н., сотрудник Научной лаборатории международных институтов и многостороннего сотрудничества АТР. Восточный институт – Школа региональных и международных исследований ДВФУ.
4. **Массов А.Я.**, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории в СПбМТУ
5. **Наземцева Е.Н.**, к.и.н., ст.н.с. в Научно-исследовательском институте военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ (НИИВИ ВАГШ ВС РФ)
6. **Николаев В.П.**, к.и.н., ст.н.с. в Центре изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН.
7. **Рудникова Е.В.**, к.и.н., с.н.с. в Институте истории, археологии и этнографии ДВО РАН.
8. **Семенченко Н.А.**, с.н.с., ученый секретарь Отдела Израиля и еврейских обществ ИВ РАН.
9. **Скоробогатых Н.С.**, к.и.н., с.н.с. в Центре изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН.
10. **Хисамутдинов А.А.**, д.и.н., зав. отделом Центральной научной библиотеки ДВО РАН
11. **Черникова Л.П.**, к.и.н., с.н.с. в Отделе Китая ИВ РАН.